

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ПРОПОВЕДЕЙ СВЯТИТЕЛЯ ИННОКЕНТИЯ (БОРИСОВА)

Афанасий (Иванов Александр Сергеевич)
Иеромонах, аспирант,
каф. филологии Московской
Духовной Академии

LEXICAL AND STYLISTIC PECULIARITIES OF THE LANGUAGE OF THE SERMONS OF ST. INNOCENT (BORISOV)

Athanasius (A. Ivanov)

Annotation

The article considers the lexical and stylistic peculiarities of the language of the sermons of a prominent Hierarch of the Russian Orthodox Church of St. Innocent (Borisov), Archbishop of Kherson and Taurida (1800–1857). The study contains an analysis of the rhetorical and stylistic techniques of a preacher. The article discusses the traditional methods and techniques typical for the work of St. Innocent, describes the different styles, shows the peculiarity of the use of scientific vocabulary. Each position is argued for with examples from the sermons of St. Innocent.

Keywords: Philology, rhetoric, homiletics, vocabulary, style of speech, a sermon, St. Innocent (Borisov), artistic techniques.

Аннотация

В статье рассмотрены лексико-стилистические особенности языка проповедей видного иерарха Русской Православной Церкви – святителя Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского и Таврического (1800–1857). Исследование содержит анализ риторических и стилистических приёмов проповедника. В статье рассматриваются традиционные приёмы и приёмы, характерные для творчества святителя Иннокентия, описываются различные стили, показывается особенность использования научной лексики. Каждое положение аргументируется примерами из проповедей святителя Иннокентия.

Ключевые слова:

Филология, риторика, гомилетика, лексика, стиль речи, проповедь, святитель Иннокентий (Борисов), художественные приёмы.

Лексико-стилистической основой, "фоном (точкой отсчета, нулевой отметкой)" [3, с. 13] других (помимо церковно-религиозного) функциональных стилей речи является нейтральная лексика – слова и выражения, не имеющие стилистической окраски. Добавление к этой основе сниженной или высокой книжной лексики и создаёт возможности для лексико-стилистической аранжировки любого текста. В церковно-религиозном стиле ситуация иная: здесь функции нейтральной лексики, стилистической основы, фона выполняет "общекнижная лексика" [3, с. 13]. То есть основной для текста проповеди пласт лексики включает в себя старославянизмы, устаревшие слова и словоформы, традиционные эпитеты с высокой стилистической окраской и под-
текстом:

"Что же представляет пред очи наши Святая Церковь, изводя нас ныне на поприще покаяния? Представляет двух человек: фарисея и мытаря; фарисея, хвлящегося своими совершенствами, осуждающего тех, кои не имеют их, и за это самое осужденного Богом, и мытаря кающегося, со смирением исповедующего свои грехи, и за это самое отходящего в дом свой оправданным" (Слово в неделю о мытаре и фарисее).

Данная лексико-стилистическая черта является стандартной для проповеди, выработанной веками бытования жанра, именно книжная лексика соответствует общепринятым канонам классического проповеднического текста, более того, значительное отступление от данного канона может быть осуждено как нарушение требования опоры на христианские тексты (Христианские богослужбные книги?, Псалтири, Жития святых и под.). Об этом пишет Н.Б. Мечковская: "Проповедь в известном смысле противостоит собственно богослужению (литургии). Если чинопоследование служб строго задано Служебником и Типиконом, то проповедь – жанр свободный, менее ответственный, менее обязательный, и поэтому предоставляющий проповеднику возможность определенного выбора содержания и способа пастырского учительного общения с верующими (выбора, разумеется, в известных границах)" [5, с. 209]. Иными словами, "попытки преодоления канона (гомилетического, иконографического, агиографического и т. д.) всегда имели место быть в православной культуре, о чём свидетельствует множество фактов" [6, с. 10], и проповедническое наследие Иннокентия (Борисова) – один из сильнейших фактов в этом ряду.

Принимая наличие книжной, высокой, старославянской, устаревшей лексики как основы текста проповедей Иннокентия (Борисова), обратимся к анализу именно тех лексико-фразеологических элементов, которые выходят за границы стандарта.

Первая группа лексики, необычной для проповеднического текста, – это эмоционально окрашенные разговорные слова, выражающие нежные чувства: нежность, трогательный, заботливый, тёплый, теплота и под. Данная лексика относится им в первую очередь к православной церкви, с её помощью Иннокентий характеризует отношение церкви к прихожанам, её заботу и участие:

"Напротив, чувствуя всю нежность матернего попечения Церкви о нашем спасении, усугубим внимание и послушание, войдем в ее благие намерения о нас и последуем за ее руководством, как немощные следуют за советами врача, воины за указаниями опытного полководца" (Слово в неделю о мытаре и фарисее);

"Будем признательны сей заботливости о нас и, возвратившись в дома наши, вместо того, чтобы предаваться праздным разговорам о том, как возглашалась во храме анафема, рассмотрим, не подлежит ли анафеме что-либо в наших нравах и нашей жизни" (Слово в неделю Православия).

Можно сказать, что с помощью данной лексики (особенно слов заботливый, заботливость, нежный, нежность) святитель создаёт образ церкви, по-матерински пекущейся о христианах, защищающей их. Недаром названные слова часто сочетаются с эпитетом материнский, сравнением с матерью:

"Церковь показала при сем случае всю материнскую заботливость о нас" (Слово в неделю мясопустную).

Святитель использует эпитеты с разговорной стилистической окраской с целью смягчения текста проповеди:

"С нынешнего дня, братие, Святая Церковь начинает приготовления к Святой и великой Четырдесятнице, почему и начала оглашать слух наш трогательным воззванием к покаянию" (Слово в неделю о мытаре и фарисее), в результате чего мысль становится более близкой прихожанам. Эпитет, выражающий в данном случае эмоции, помогает проникнуться более глубоким и "настоящим" чувством по отношению к происходящим событиям. Надо отметить, что эпитет трогательный – один из самых востребованных среди эпитетов с разговорной окраской Иннокентия, только в словах на Великий пост он встречается 10 раз, в каждом случае способствуя более доверительной и мягкой характеристике того или иного явления, связанного с христианскими обрядами:

"Спрашивайте после сего, почему мы присутствуем во время совершения самых священных и трогательных обрядов церковных с рассеянием, без чувства, поникшие телом и душой!" (Слово в пяток недели 1-й Великого поста).

В одном из случаев наблюдаем употребление данного прилагательного в форме превосходной степени, что ещё больше подчёркивает выражаемые с его помощью чувства и его разговорную окраску:

"Последняя неделя четырёхдесятницы начнется ублажением памяти преподобной Марии Египетской, яко трогательнейшего образца покаяния" (Слово в неделю 2-ю Великого поста).

Кроме того, разговорные слова со значением нежных чувств используются для характеристики обратного действия, направленного со стороны паствы в сторону церкви:

"В знак сего пред воинством его всегда носима была икона Спасителя и Честный Крест; и оно не прежде устремлялось на врага, как изливши теплые молитвы пред сей иконой, и обложив сей крест" (Слово на первое число августа), завершая тем самым круг: паства таким образом отвечает на заботу церкви о ней.

Примечательно, что слово теплота одинаково часто используется святителем как по отношению к явлениям веры *"Потребен свет Христов, необходима теплота благодати Духа Божия"* (Слово в неделю Ваий), так и по отношению к природе:

"...Не все оденется зеленью на деревьях, некоторые ветви останутся голы и мертвы. Почему? Потому что в них потеряна способность к принятию жизни от света и теплоты весенней" (Слово в неделю Ваий).

Вторая группа слов, нарушающих привычный стилистический строй проповеди, – бытовая лексика, основная функция которой – создание стилистического контраста с основной, фоновой лексикой книжной стилистической окраски:

"А настоящее время года видимо располагает к сему, ибо теперь, после зимнего заключения в душевных комнатах, всякий более или менее сближается с природою и, сближаясь, вступает невольно во многие отношения с ней" (Беседы о природе).

Бытовая лексика, с помощью которой проповедник описывает привычные для слушателей явления их быта и жизни и создаёт близкие им по настроению картины, призвана создать атмосферу понимания и единения между священником и слушателями. Прихожанам становится понятно, что проповедник тоже, как обычный человек, испытывал зимой дискомфорт от заключения в душевной комнате и теперь рад дышать свежим весенним воздухом.

Бытовая лексика часто используется Иннокентием при описаниях природы, само включение которых в текст проповеди уже в какой-то степени является необычным для данного жанра. Тонко чувствующий природу, её состояние, постоянно проводящий параллели между явлениями природы и духовного мира, Иннокентий не может не ввести в описания разговорных слов:

"Так, смотря на теперешнее весеннее убранство природы, на всюду развивающуюся зелень, на везде рассыпающиеся цветы, и сравнивая все это с прежнею наготою и мертвостью, кто не скажет, что теперь спавшая зимним сном природа как бы воспрянула от сна и, подражая Святой Церкви, начала праздновать день воскресения!" (Беседы о природе).

Природа представляется в таких описаниях живой, яркой, что необходимо проповеднику, чтобы провести параллель между возрождением природы и воскрешением Спасителя. Способствует данной цели также детализация описания, натуралистическое и в то же время близкое и понятное для паствы перечисление происходящих в природе перемен:

"...Всё начинает принимать другой вид: день растёт, воздух становится теплым, вид всех вещей просветляется и веселеет, и все в природе готовится как бы к некоему празднеству" (Беседы о природе).

При этом описание природы в "Словах", входящих в "Беседы о природе", градационно развивается, становясь всё более точным, детальным, эмоциональным: *"Где за неделю вы видели одну голую, мертвую массу земли, там теперь под каждым кустом, на каждом холме, в каждой юдоли готов для вас разноцветный, свежий, душистый ковер"*.

Изменяется и стилистическая окраска текста: анализ последнего примера показывает, что разговорная лексика постепенно почти вытеснила книжную, высокую. О принадлежности данного отрывка к церковно-религиозному стилю может свидетельствовать только слово юдоль, остальная же лексика – нейтральная или разговорная.

Ещё одна причина обращения святителя Иннокентия к бытовой лексике – желание подчеркнуть единство, схожесть великих христианских деятелей и обычного христианина:

"И апостолы ходили в город за покупками, и они приготовляли вечерю; и жены равноапостольные покупали ароматы: но смотрите, как у них все свято, чисто! Почему так нельзя быть и у нас?" (Слово в Великий Понедельник, на утрени).

Однако в данном случае, утвердив близость между великими и низкими, проповедник одновременно обозначает и существующие между ними отличия. Этому служит, во-первых, отсутствие бытовой окраски у двух из выделяемых признаков (вечеря, ароматы), во-вторых – следующее риторическое восклицание и риторический вопрос (*...смотрите, как у них все свято, чисто! Почему так нельзя быть и у нас?*)

Третья группа стилистически сниженных слов, встречающихся в проповедях святителя Иннокентия, – оценочная лексика с разговорной окраской, введение которой в текст проповеди часто неожиданно:

"А сражение – вещь чудна?я! В нем чем храбрее действуют, тем менее несут потерь; и напротив, чем более жалеют себя и прячутся, тем более теряют и падают" (Слово в первое сражение после сражения).

С помощью слова-характеристики чудная, которое резко контрастирует с тематическим и лексико-стилистическим фоном, проповедник словно стремится подчеркнуть, как он сам удивлён характеризуемым феноменом – небольшим количеством потерь в сражении. Ему важно убедить паству в том, что причиной этого является проявленная воинами храбрость и тем самым напутствовать воинов быть бесстрашными в следующих сражениях, уверить, что у храбрецов больше шансов выжить.

Обращает на себя внимание и окказиональная лексика, вводимая святителем Иннокентием в тексты проповедей. Изначально понимаемые как созданные самим автором текста, отсутствующие в узусе, окказиональные слова призваны привлечь внимание реципиента, менять стилистический строй текста. В предложении *"Самоосуждение, самопрезрение и самоненавидение бедного грешника простирается иногда в сем случае до того, что он готов бывает сам исполнить казни над собой, как показывает пример Иуды"* (Слово на литургии преждеосвященных даров в среду недели 1-й Великого поста, о покаянии) окказионализм завершает ряд одноструктурных слов, выстроенных как однородные члены и призванных изобразить внутреннее ощущение грешника, осознание им степени собственной греховности.

Несомненен градационный характер данного ряда слов, в котором окказионализм является завершающим звеном, наиболее сильным именно в силу своей необычности. В примере *"Можно ли после сего отрицать бытие некоей всехудожественной Десницы, из коей во время бурь и вьюг каждый раз сыплется на нас из облаков это дивное многокрестие звездное?"* (Слово о зиме) с помощью окказионализма святитель Иннокентий характеризует описанное им выше тонкое наблюдение: форма снежинки – это крест. Слово *многокрестие* может быть истолковано как "снегопад", "летающие с неба снежинки" и подчёркивает божественную природу всего сущего – и большого и малого, такого, как снежинка.

Включая в тексты проповедей разговорную, бытовую, оценочную лексику, Иннокентий не боится сойти с пьедестала, снизить свой статус, занять позицию равного рядом с паствой, напротив, этот приём он использует, по нашему мнению, намеренно, с целью налаживая более доверительный отношений со слушателями, установления с ними более тесного контакта. Именно этот приём послужил одной из причин того, что "святитель своим личным примером, ораторским мастерством изменил отношение к проповеди; она стала подлинным событием, значительным общественным явлением, одним из глав-

нейших методов просветительства и средств воспитания" [7, с. 10].

Несомненно, что введение в словесную ткань проповеди стилистически сниженной (разговорной, бытовой) лексики способствует также и тому, что проповедь становится более понятной пастве, доступной для восприятия, ведь не стоит забывать, что основная масса народа была во времена Иннокентия Херсонского безграмотной; сложные построения, непонятные слова могли затруднить постижение ими смысла религиозного текста. Т.А. Шубина замечает по этому поводу: "Проповедь доносит высокие истины, но, говоря о надмирном, проповедник должен сказать это так, чтоб было интересно и понятно каждому" [10, с. 10].

Отдельно выделяется в стилистическом строе проповедей святителя Иннокентия лексика научного стиля, употребление которой – одно из свидетельств энциклопедической учёности святителя, его глубоких естественных познаний:

"Воспламенись наша атмосфера - и все на земле, самая земля сгорит" (Слово о лете, второе);

"Между тем, в продолжение подобных бурь не падает с неба ни одной снежинки, которая не была бы, во-первых, осмотрена, прибрана и даже украшена со всем тщанием, и коей, во-вторых, не было бы указано на лице земли своего места и отношения к другим подобным атомам" (Слово о зиме);

"...Кто обращает внимание на вид и состав падающих снежинок, кроме малого числа естествоиспытателей?" (Там же).

Перед нами встаёт образ священника–учёного, новый для данной сферы общественного служения; образ человека, не только много знавшего, но и стремившегося передать свои знания слушателям, возбудить в них познавательный интерес, сформировать новое отношение к науке, не противоречащее религии, а связанное с нею. По словам З. Г. Шабановой, "в России на протяжении многих столетий созданы яркие образцы русского духовного красноречия, которые занимают достойное место в национальной культуре".

В жестких рамках церковных канонов проступали и проступают языковые черты, отвечающие состоянию языка на каждом этапе. Эта черта особенно ярко проявляется в тех жанрах религиозно–нравственного содержания, в которых лица духовного звания обращаются непосредственно к своей пастве – в проповедях, в текстах исповедального и покаянного содержания" [9, с. 6].

Думается, что введение святителем Иннокентием научной лексики в текст проповеди отражает состояние общества и языка на данном этапе их развития: распространение образования, улучшение его качества, в том числе качества богословского образования, немалый вклад в развитие которого внёс и святитель Иннокентий (Борисов).

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. – М.: РБО, 2004. – 2048 с.
2. Иннокентий, архиепископ Херсонский. Сочинения. – СПб., 1872.
3. Иннокентий Херсонский, свт. Великий пост. Молитва святого Ефрема Сирина. – М.: Отчий дом, 2011. – 448 с.
4. Полное собрание сочинений святителя Иннокентия Херсонского в 12 т. – СПб. ; М., 1901.
5. Мечковская, Н.Б. Язык и религия. Лекции по филологии и истории религий: Учебное пособие / Н.Б. Мечковская. – М.: Издательско–торговый дом ГРАНД, 1998. – 352 с.
6. Барышева, Е.Л. Русская православная проповедь: соотношение канонического и вариативного (лингвоперсонологический аспект): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.00. – Кемерово, 2012. – 170 с.
7. Зайцева, А.В. Педагогические идеи в духовном наследии святителя Иннокентия Херсонского: Автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. – Елец, 2004. – 20 с.
8. Со Ын Ен. Речевой жанр современного церковно–религиозного послания: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2000. – 15 с.
9. Шабанова, З.Г. Лингвистические средства воздействия православной проповеди: В историческом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Махачкала, 2006. – 165 с.
10. Шубина, Т.А. Современная православная миссионерская проповедь: методика обучения жанру в высших духовных учебных заведениях: Автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – Москва, 2008. – 21 с.